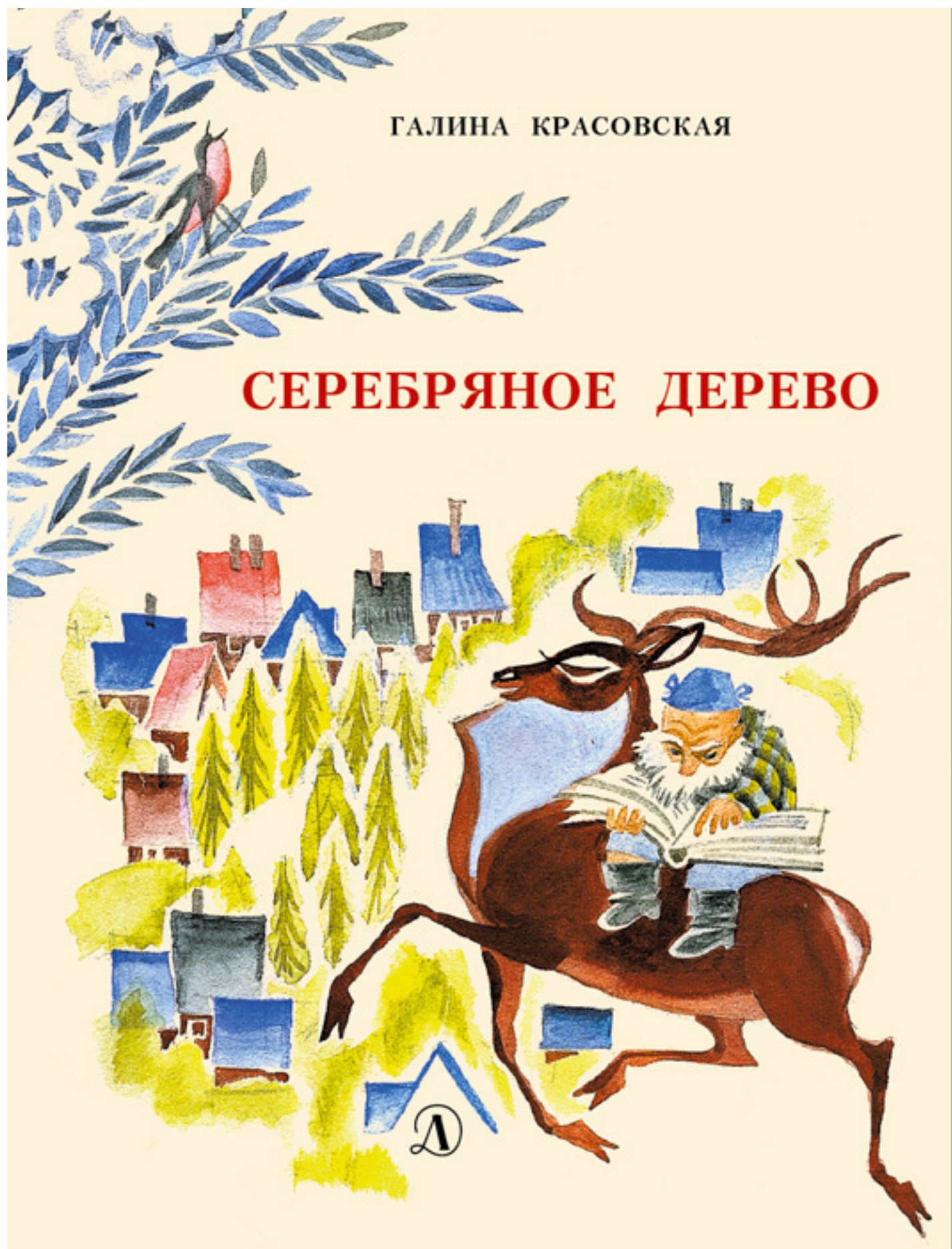

ГАЛИНА КРАСОВСКАЯ

СЕРЕБРЯНОЕ ДЕРЕВО

Наша марка (Детская литература)

Галина Красовская
Серебряное дерево

Издательство «Детская литература»

1969

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Красовская Г. В.

Серебряное дерево / Г. В. Красовская — Издательство «Детская литература», 1969 — (Наша марка (Детская литература))

ISBN 978-5-08-005747-2

Страна Свирелия – это дивный край, где все счастливы и довольны. У свирельцев есть всё, что нужно для жизни и даже больше. Все желания жителей прекрасной страны исполняются, они живут в мире и довольстве. Всё свирельцам достаётся слишком легко. Но это и беспокоит самых мудрых и ответственных свирельцев. Они понимают, что беззаботность ведёт к лени и праздности, к разрушению душ людей. И в тот момент, когда никто не ожидает ничего плохого, Свирелию захватывают грозные враги, превращают цветущую страну в безжизненную пустыню. Но именно тяжёлые испытания помогают свирельцам измениться, изгнать захватчиков и освободить Свирелию.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005747-2

© Красовская Г. В., 1969
© Издательство «Детская литература», 1969

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвёртая	20
Глава пятая	24
Глава шестая	27
Глава седьмая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Галина Красовская

Серебряное дерево

© Красовская Г. В., 1969

© Гольц Н. Г., наследники, рисунки, 1969

© Оформление. АО «Издательство «Детская литература», 2017

Часть первая

Глава первая Про страну Свирелию и про свирельцев

Была на свете удивительная страна. В мохнатых её лесах грибов из земли выскакивало столько, что ступить было некуда, а ягод высыпало – как росы на траве! Хлеба́ на её полях вырастали до того сдобные, что колосья лоснились от масла. В садах родились яблоки величинной с арбуз, а груши наливались таким прозрачным соком, что даже светились в темноте, как электрические лампочки.

Прямо в садах и лесах прятались и выглядывали из зелени деревянные домики с разноцветными крышами, и по утрам деревья осторожно стучали лапами в окна: «Просыпайся, хозяин!» Хозяин, потягиваясь, выходил на крыльцо, делал зарядку, а потом ложился под дерево и открывал рот. И прямо в рот ему падали с ветки ароматная груша или сочный персик.

Нет, не ленивцами были жители этой страны. За любую работу брались они охотно, не боясь набить мозолей, да только негде их было набивать. Съешь три персика – и целый день сыт, хлебнёшь три глотка воды из лесного родничка – и целый день не захочешь пить.

А кто не любил есть яблоки и груши немывыми, прямо с дерева, тот шёл к садовнику Грушке. И Грушка, аккуратный, с чистыми руками и в белом фартуке, подавал на тарелочках фрукты и всякие сладости, а попутно сообщал всем прогноз погоды. Грушка страдал ревматизмом и умел точно предсказывать, будет дождь или нет. Здесь можно было полакомиться и разными коктейлями из соков. Грушке не приходилось очень уж ухаживать за деревьями: и без того на них вырастало много плодов, и потому всё свободное время садовник приготавливал коктейли из фруктовых соков и варил фруктовые тянучки. Он-то и приохотил всех жителей страны к сладостям. Если, например, встречались два приятеля и один из них никак не мог выдернуть руку из кармана, чтобы поздороваться, то уж наверняка можно было сказать, что он побывал в гостях у садовника Грушки и рука его прилипла к тянучкам, которыми набит карман.

Легко и сладко жилось людям этой страны, и сами они были на редкость добрыми и простодушными. Они никогда не завидовали друг другу, не знали, что значит поссориться или, того хуже, подраться, и с языка их никогда не слетало злое или грубое слово. Едва завидев друг друга, они уже весело морщили носы и тянулись в карманы за свирелью.

«А это ещё зачем?» – спросите вы. И правда, некоторые обычаи страны удивляли чужеземцев.

Что это, например, за странная привычка всегда носить с собой деревянные дудочки – свирели? Свирели торчали из портфелей начальников и учителей, из карманов футболистов, школьников и продавцов мороженого. Да что там! Грудные младенцы, которым вместо погремушек покупали свирельки, знали, что с ними делать, – они тотчас же тянули их в рот. И друзья-приятели при встрече первым делом дудели в свои свирели, а потом уж принимались толковать о том о сём.

Милиционер Гарпун стоял на посту со свирелью-свистком. У Гарпуна была целая система сигналов, с помощью которых он охранял порядок и спокойствие граждан страны. Если милиционер замечал охотника Осечку, мчащегося с недозволенной скоростью на своём мотоцикле с прицепом, он подносил к губам свирель-свисток и брал на ней три раза подряд ноту фа. Это означало, что Осечка должен немедленно остановить свой мотоцикл и, стоя смирно, выслушать, как Гарпун будет его стыдить. Если кто-нибудь вёл себя невоспитанно, например начал петь или хохотать на всю улицу, Гарпун, просвистев пять раз ноту ми, заставлял певца умолкнуть и проверял, не хлебнул ли тот лишку фруктового коктейля – от Грушкиных коктейлей иногда случались у людей приступы бурного веселья.

У некоторых были даже свирели особого фасона. У доктора Гематогена – свирель, похожая на трубку для прослушивания больных. Звуками этой трубки-свирели Гематоген приглашал больных на осмотр. У учителя Минуса – свирель-указка, которой учитель показывал на карте океаны, реки и вулканы, а ещё мог при надобности, дунув в эту свирель, вмиг прекратить шум в классе. Охотник Осечка сделал себе свирель в форме охотничьего рога, а художник Карало – свирель-кисть. Все жители страны умели вырезать свирели, и все дела в стране – и важные, и пустяковые – кончались весёлой пляской. Потому-то один путешественник, посетивший удивительную страну, придумал ей такое название – Свирелия.

Под этим названием страна была нанесена на географические карты, а жители её, свирельцы, вошли в историю как искусные мастера играть на дудочках.

В Свирелии жил учёный, по имени Гранат, которого все называли мудрецом. В общем-то на мудреца Гранат был не очень похож. Он не считал звёзд, сидя на ковре во дворце, – никаких дворцов, кроме Дворца спорта, в Свирелии не было. Не наряжался Гранат и в длинный халат, расшитый звёздами, какие носят некоторые мудрецы, а заказал себе удобный костюм. Брюки его с пятнадцатью карманами были коротковаты, зато просторны, а на клетчатой рубашке, тоже с пятнадцатью карманчиками, не было ни одной петли и пуговицы. Гранат жалел тратить время на пришивание пуговиц, потому и наряжался в рубашки беспуговичного фасона. Вдобавок к костюму Гранат купил походные сапоги, чтобы при случае спокойно переходить вброд речушки и ручьи, не рискуя схватить насморк.

Друзьями Граната были учитель Минус, доктор Гематоген, художник Карало и музыкант Тромбус. Свирельцы очень уважали их и считали почти такими же умными, как Гранат.

Но друзья Граната занимались всем понятными делами: Минус учил и воспитывал детей, Гематоген лечил и делал уколы, маэстро Тромбус выступал с концертами, Карало рисовал портреты и раскрашивал стены и крыши свирельских домиков. А чем всегда бывал занят Гранат, свирельцы не могли понять. Но они чувствовали, что это очень важные и умные дела, и оттого испытывали к Гранату глубочайшее почтение. Иногда они подходили к голубому домику, где жил Гранат, и с любопытством заглядывали в окошко.

На подоконнике стояли баночки с разноцветными песками, лежали камни, камешки и куски глины, на стенах висели ветки с засохшими листьями, по углам комнаты громоздились стопы книг, ютились пузырьки и жестяные горелки. На столе около окна свирельцы всегда видели блестящий микроскоп, а рядом с ним – аккуратно разложенные пучочки травы и при-

колотых к картонке бабочек. Сам Гранат обычно листал толстые книги или, сидя верхом на стуле, бормотал непонятные слова по-латыни. Любопытных он не замечал.

Свирельцы на цыпочках отходили от окна: всякие непонятные слова, да ещё вдобавок сказанные на древнем языке, приводили их в уныние.

Иногда Гранат доставал свои походные сапоги, которые сиротливо стояли за книжным шкафом, примерял их и подумывал: не отправиться ли ему в поход, ну хотя бы в Дальний лес? Но потом поглядывал на микроскоп, на всякую всячину около него, на толстые книги и, подёргав себя за бороду, что действовало на него успокаивающе, отмахивался.

– Да ну их, эти походы! Всяких загадок и под носом много. Так приятно отгадывать их в своём кабинете...

Гранат снимал сапоги, ставил их за шкаф и, сладко потянувшись, снова подсаживался к своему микроскопу. Опять дни и ночи проводил он в покое, за чтением толстых книг и в размышлениях.

Когда в голове мудреца мелькали счастливые догадки, на лбу его собиралось множество складок и морщин. О-о, этот лоб Граната! Огромный и светлый, он был великолепен. Иметь такой лоб счёл бы за счастье мудрец какой угодно страны.

Кроме высокого лба другой приметой, делающей Граната похожим на мудреца, была борода.

В Свирелии никто не носил бороды, и только Гранат стал вдруг отпускать себе бурую пушистую бороду.

– Ну и пусть, – переговаривались свирельцы. – Мудрецов без бороды не бывает. Без бороды – никакой важности...

Но Гранат ни капельки не стремился выглядеть важным, как подобает мудрецу. Просто он однажды подсчитал, что в году у него пропадает целая неделя на такое бесполезное занятие, как бритьё. Гранату жаль было попусту тратить время, вот он и махнул рукой на это бритьё. И пошла его борода расти, как ей вздумается, – влево, вправо, вниз и вверх, доросла до самых глаз и соединилась с косматыми бровями, которых хватило бы и на трёх мудрецов.

Но, подарив Гранату прекрасную бороду, судьба безжалостно обошла его в другом – на голове мудреца не росло ни единого кустика.

– О, это выдающийся учёный, это блестящий ум! – говорили о Гранате друзья.

В том, что ум Граната был блестящий, не могло быть никакого сомнения: макушка его блестела так ослепительно, что больно было смотреть! Как-то лысина Граната даже натворила беду. Пострадавшим оказался доктор Гематоген. Он нечаянно глянул на лысину мудреца, когда на неё падало солнце и, представьте, повредил зрение. После этого Гем вынужден был прописать самому себе очки. А Гранат, чтобы больше не было таких несчастных случаев, стал носить голубую панамку.

По вечерам свирельцы часто собирались у музыканта Тромбуса. Каждый, кто хотел вырезать особенно звучную свирель, шёл к маэстро за советом. Тромбус терпеливо показывал, как надо делать свирели, и учил всех играть на них. Даже Гранат, хоть и бывал всегда занят важными делами, посещал Тромбуса и учился у него мастерить свирели, флейты и скрипки. Маэстро умел ещё превосходно играть на скрипке и даже сам сочинял музыку.

Тромбус был уже немолод и слаб здоровьем, и доктор Гематоген советовал ему не переутомляться и строго соблюдать режим дня. Маэстро слушался доктора, тем более что и сам он любил после вкусного обеда устроить себе тихий час.

Сладко подремав, он совершал прогулку и лишь тогда принимался мастерить инструменты или сочинять музыку. Заложив за щеку фруктовую тянучку, маэстро удобно усаживался в любимом кресле и начинал писать ноты, причмокивая и сладко мурлыча под нос мелодию. Бойкие плясовые и весёлые песенки выходили у него на славу, но маэстро любил серьёзную музыку и пытался сочинять сложные вещи, чтобы исполнять их на скрипке. Он вертелся в

кресле, возводил глаза к потолку и старательно жевал одну тянучку за другой. Но серьёзные пьесы сочинялись туго.

Покончив наконец с этим трудным делом и сгорая от нетерпения поскорее исполнить новое сочинение перед публикой, маэстро звал к себе своего друга Карало. Художник рисовал что-то на больших листах бумаги, то и дело откидывая гривастую голову и любуясь работой.

После этого на улицах появлялись разноцветные афиши, приглашающие всех, всех, всех на концерт серьёзной музыки. Слова «концерт серьёзной музыки» были написаны не очень большими буквами, а внизу афиши было крупно выведено: *«После концерта – угощение»*.

Первым на концерт Тромбуса приходил Карало – седой, грузный, с красной косынкой в горошек на шее и с этюдником и альбомом в руках. Застрелявая между стульями, он протискивался в дальний угол, усаживался, раскрывал этюдник и приготавливал краски. На каждого, кто появлялся в дверях, Карало пронзительно глядел несколько секунд, а потом начинал орудовать кистью.

Зал бывал полон, свирельцы рассаживались как можно удобнее и частенько поглядывали на стоявший в стороне стол с угощением, прикрытый салфетками.

Маэстро появлялся с торжественным видом, облачённый во фрак. Дождавшись, когда слушатели прекратят скрипеть стульями, он устремлял взор к потолку и начинал играть. Тонкие пальцы музыканта плавно водили смычком по струнам, а сам маэстро то и дело ронял слёзы на отвороты фрака. Друзья Тромбуса – Гематоген, Гранат, Минус и Карало – не могли сдерживать восторга. Они вздыхали от избытка чувств, а когда маэстро устало опускал смычок, бросались обнимать его. Тромбус кланялся, в смущении встряхивая седыми кудрями, и затаив дыхание ждал, когда же грянет гром аплодисментов. Но аплодисментам явно не хватало силы и звучности. Маэстро в волнении хватался за виски и тут только замечал, что большинство слушателей спит. Даже милиционер Гарпун, бывало, нечаянно задрёмывал на концерте уважаемого Тромбуса, но, очнувшись сам, он тут же будил всех пронзительным свистком – нотой ми. Вмиг затихало похрапывание, свирельцы смущённо вскакивали и, чтобы искупить свою вину, долго и горячо аплодировали.

Но разве мог этим утешиться бедный Тромбус! Скрепя сердце, скрыв обиду, маэстро начинал играть песенки и бойкие плясовые, и лишь тогда свирельцы начинали по-настоящему веселиться и подпевать скрипке маэстро. А чем меньше времени оставалось до конца концерта, тем оживлённее становились гости и тем чаще бросали они взгляды на прикрытый салфетками стол.

Угостившись коктейлем и фруктовой пастилой и сплясав на прощание, свирельцы, очень довольные, расходились по домам. И тогда Тромбус изливал друзьям свою горечь.

– Ах, я просто в отчаянии! – восклицал он, нервно потирая виски. – Им только и подавай пустые песенки!

– Это вы зря, – успокаивал маэстро учитель Минус, – ваши плясовые и весёлые песенки очень недурны! Но, – учитель поднимал палец и шевелил им, – безусловно, людям нужна и такая музыка, при звуках которой хочется торжественно снять шляпу...

– Свирельцы не умеют думать про серьёзное... Потому они и серьёзную музыку не любят, – говорил Гранат и в задумчивости поднимал кустики бровей.

– Думать о серьёзных вещах – это наше с вами дело. А народ наш любит плясать. Что в этом плохого? – заступался за свирельцев учитель Минус. – Пусть каждый живёт, как ему нравится. Свирельцы бесхитроостны – вот и веселятся от души.

– Они добродушны и не портят друг другу нервы, – присоединялся к Минусу доктор Гематоген. – Уважаемый маэстро, успокойтесь. Вам вредно волноваться.

А Карало молча трогал коленку и протягивал друзьям альбом с портретами свирельцев, раскрашенными в голубые, розовые и жёлтые цвета. Это были любимые цвета свирельцев.

С альбомных листов смотрели такие смешные и симпатичные физиономии, что, глядя на них, все начинали улыбаться. Даже маэстро переставал тереть виски и закладывал за щёку тянучку.

– Хотят плясать – пусть будут плясовые. В конце концов, их мне сочинять легче, а здоровье дороже всего, – бормотал он, успокаиваясь.

Положив подбородок на этюдник, Карало смотрел, как портреты его ходят по рукам, и глубокомысленно изрекал:

– Эти голубые и розовые цвета – не то... Это – не главное... Палитра бедная...

Он долго качал головой и так стискивал губы, будто поклялся не раскрывать рта до конца дней своих.

Никто, конечно, ничего не понял, но добиваться у художника пояснений было бесполезно.

Карало был известный молчун и открывал рот только в крайних случаях. Друзья приехали к этому и не приставали к нему с расспросами.

Благополучной и беззаботной была жизнь свирельцев, и другого счастья они не знали, а потому и не хотели. Так бы и жили они – долго ли, кто знает! – если бы однажды мудрец Гранат не прочитал в старинной книге такую легенду.

Жил-был когда-то на свете чудаков Садовник. Какие только цветы и деревья не росли в его саду! Но нет, не было ему в этом радости. Задумал Садовник вырастить такое дерево, каких не видывал ещё белый свет. И как задумал, так и сделал.

Семь ли дней растил он то дерево или семь лет, только вырастил. Дыханием своим грел землю у ног деревца, чтобы крепче стояло, песни пел, чтобы веселей звенели на деревце листья.

Помогали Садовнику друзья. Тоже дышали на деревце, тоже подпевали.

И верно, не видал ещё белый свет такого дерева. Ствол его был крепким, крепче железа, и розовым, как летний закат. И мелодично пела на дереве серебристая листва.

Первую весну только и знало оно петь, на вторую весну зацвело невиданными цветами, а на третью родило плоды-орешки. Стали люди страны Садовника выращивать серебряные деревья. Нелёгкое это было дело! Семь ли дней они трудились или семь лет, только зацвели наконец по всей стране серебряные деревья. А созрев и вдоволь пожив на свете, они дарили людям в награду за их труды долголетие и непобедимость. С тех пор какой бы враг-чужеземец ни нападал на страну Садовника, уходил ни с чем.

За это люди и называли серебряное дерево деревом счастья.

– Любопытная легенда! Дерево счастья... По-латыни это будет – *арбор фортуна*... Вот бы найти его! Вас-солибас! – вскричал Гранат. Это было его любимое восклицание. – Отправлюсь-ка я в соседние страны да потолкую с тамошними мудрецами.

Как назло, все любознательные мудрецы соседних стран оказались в походах и экспедициях, а на совет явились только неженки и ленивцы.

– Что, нам больше всех нужно? – закричал мудрец в синем халате со звёздами, развалившись в мягком кресле.

– Зачем губить здоровье, простуживаться на сквозняках? – сказал другой мудрец, закрывая форточку.

– Больно надо слоняться по свету, трепать халаты, пылить ботинки! – заявил третий мудрец и сдул пылинку с лакированного башмака.

– Но ведь надо же найти дерево счастья... – неуверенно произнёс Гранат.

– И вовсе не надо! – хором закричали мудрецы. – Нам и без этого дерева хорошо! Мы мягко сидим и сладко едим!

«Да и нам, свирельцам, разве плохо живётся?» – подумал Гранат.

Но, вернувшись в Свирелию, он решил всё же посоветоваться со своими друзьями, хоть они и не были мудрецами.

– Может, это только вымысел? – осторожно предположил учитель Минус. – В книгах по истории нигде не упоминается страна Садовника... Впрочем, это ещё ничего не значит. – Учитель принял глубокомысленный вид, поднял палец и заговорил задумчиво и торжественно: – Пусть затерялся след народа, что вырастил дерево счастья, – ведь люди не имеют корней и события носят их по свету. Но серебряное дерево!.. Вполне вероятно, где-нибудь оно сохранилось...

– На дереве поёт листва – вот что главное! Ах, как это прекрасно! – мечтательно произнёс маэстро. – Если б эти волшебные деревья росли у нас, свирельцы сильнее полюбили бы музыку и не спали бы на моих концертах...

– Для меня важно другое – долголетие... Значит, дерево имеет целебные свойства... А что, если оно поможет спасти моего больного?.. – озабоченно сказал Гематоген. Он говорил о свирельце, по имени Гнилушка, который болел опасной болезнью и доставлял Гему немало огорчений.

Художник Карало переводил взгляд с одного говорящего на другого и то кивал, то покачивал головой. На Карало, как всегда, не обращали внимания.

– Вас-солибас! Значит, всё-таки надо поискать дерево! – воскликнул Гранат. – Не хотят другие мудрецы – не надо. Пойду в поход один!

Глава вторая

Как заболел Гнилушка и как доктор Гем его лечил

Эта неприятная история с Гнилушкой, о котором вздыхал Гематоген, случилась семь лет назад, когда Гнилушка был ещё мальчиком.

Уже тогда привык он бездельничать, часто убегал из школы в лес и там разбойничал.

– Я хитрее всех в лесу! – хвастал Гнилушка перед своим приятелем Рулькой, с которым вместе учился тогда в 5 «Б» классе у учителя Минуса. – Спорим: какого хочу зверя и какую хочу птицу заманю!

И правда, все звери в лесу боялись Гнилушку и прятались от него, а доверчивые зверьки и птицы то и дело попадались в Гнилушкины капканы, и он их мучил.

Рулька думал, что вот какой Гнилушка ловкий и смелый, и никогда не говорил ему «не надо так делать», а, наоборот, иногда брал с него пример.

...Однажды Гнилушка надумал спалить хвост белке за то, что она нечаянно уронила ему на голову шишку, а Рулька взял да и принёс ему спички.

Недаром, завидя в лесу приятелей, деревья в страхе подбирали ветки, птицы бросались к своим малышам, а муравьи прекращали возню и замирали в муравейниках.

Но никому из свирельцев и в голову не приходило, что Гнилушка такой хитрый и злой. Он казался тихоньким и благовоспитанным, губы изгибал в улыбочке, речи не забывал сдабривать словами «спасибо» и «пожалуйста», а глядеть умел сладко и маслено.

Гнилушка никогда ни к кому не приставал, не ссорился с мальчишками и не дрался, наоборот, держался от всех подальше, а если приставали к нему, хныкал и шёл жаловаться.

Зато Рулька любил дразниться, ввязываться во всякие происшествия и обсыпать всех песком. А если какой-нибудь сильный мальчишка приставал к слабому мальчику, Рулька краснел, как помидор, выпячивал губу и начинал дымиться. И конечно, набрасывался на задиру с кулаками. Тут же появлялся милиционер Гарпун, грозно свистел на своей свирели ноту до, и Рульке доставалось.

Оттого-то свирельцы, если замечали непорядок в лесу или ещё где-нибудь, сразу думали плохое не о тихоне Гнилушке, а о его приятеле Рульке-драчуне.

И долго ещё никто не узнал бы правды о Гнилушке, если б не Рулька.

...Однажды пришёл Рулька на лесную поляну, где они с Гнилушкой обычно объедались ягодами, и увидел костёр. Над костром на прутиках что-то жарилось, а рядом валялся жёлтый Гнилушкин картуз.

– Ура! Гнилушка печёт лесные груши! – обрадовался Рулька. – Съем их и спрячусь – вот будет смеху!

Но тут он заметил, что под кустом валяется разорённое гнездо. Ещё вчера Рулька видел, как в нём сидела, выставив хвостик, маленькая пичужка, а сейчас она металась над кустом и билась грудкой о землю. На миг птица замирала на ветке и горестно глядела на Рульку.

Не успел Рулька сообразить, что здесь случилось, как к нему подбежал Гнилушка. В руке у него вниз головами висели три птички. Он помахал ими перед Рулькиным носом и хвастливо крикнул:

– Сейчас и этих поджарю!

Рулька уставился на приятеля и глядел на него во все глаза, будто первый раз в жизни увидел.

Гнилушка швырнул птиц на землю, подбросил в костёр хворосту и, заметив на ветке птичку, хихикнул:

– Ты ещё здесь?! А-а-а, и тебе захотелось ко мне в живот!

Но как только разбойник полез в карман за рогаткой, от головы Рульки повалил дым, словно от костра. Не успел Гнилушка прицелиться, как полетел кубарем и угодил в костёр.

– Ой, ой, обжёгся! Что ты лезешь! Я и тебе дам попробовать! – завизжал он.

Но Рулька не слушал, а что есть силы тузил врага, так, что зелёные искры из Гнилушкиных глаз рассыпались по всему лесу.

Шум этот привлёк внимание милиционера Гарпуна, который как раз оказался поблизости, на берегу Свирельки. Гарпуну очень хотелось стать моряком, и он любил иногда посидеть у реки, порыбачить или просто в тишине помечтать о море, о том, как он, Гарпун, стоит на капитанском мостике, а свежий ветер надувает белоснежные паруса.

Услыхав Гнилушкины вопли, Гарпун отогнал приятные видения и поспешил на место происшествия.

Он взял под козырёк, пыхнул изогнутой трубкой и крикнул басом:

– Что случилось, тысяча морских чертей?!

Но, вспомнив, что он не капитан, а милиционер, Гарпун спрятал в карман свою пиратскую трубку, достал свирель-свисток и пронзительно просвистел ноту до.

– Тронешь ещё хоть одну птицу – голову оторву! – помотал кулаком перед Гнилушкиным носом Рулька. – Вот что наделал, – добавил он, показав на подбитых птичек и разорённое гнездо.

Гнилушка хотел было по привычке притвориться невинным, но Гарпун важно тронул бакенбарды, похожие на куски мочалки, снова взял под козырёк и громовым голосом приказал:

– Следуйте за мной!

А когда Гнилушка попытался улизнуть, Гарпун сгрёб его в охапку и понёс. Разбойник визжал на весь лес и кусался, но милиционер не очень-то обращал на это внимание.

– Гром и молния! Это настоящий припадок бешенства, – ворчал он. – Срочно покажу его Гематогену.

Рулька плёлся вслед за Гарпуном, неся в подоле рубашки подбитых птичек. Деревья, на боках которых Рулька не раз вырезал своё имя, укоризненно качали ветками, птицы, в которых он понарошку целился из рогатки, тонкими голосками выкрикивали что-то сердитое, а белка, которой Гнилушка спалил пушистый хвост, прыгала с ветки на ветку и всему лесу показывала на Рульку голым прутиком хвоста.

«Так мне и надо!» – горько думал Рулька, бережно прижимая птичек. Одна из них была совсем плоха. В клюве своём она держала мышку, – видно, несла её на ужин птенцам. Две другие тоже едва дышали.

Когда Гарпун принёс Гнилушку в больницу, Гематоген долго прослушивал и ощупывал его, заставляя высовывать язык и говорить «а-а-а». Особенно внимательно Гем разглядывал Гнилушкины глаза.

– М-да, – в раздумье сказал Гематоген своему ассистенту Витаминчику и медицинской сестричке Ампулке, – подозреваю самое худшее... Посмотрим, однако, что покажут анализы.

– Больного нужно изолировать: он может заразить других, – сказал осторожный Витаминчик, и кончики его ушей запылали от беспокойства.

Гнилушку отвели в изолятор. Гарпун, козырнув, зашагал прочь. А Рулька позвал сестричку Ампулку. Она всегда ласково говорила «детка» и большим и маленьким и умела не больно вынимать занозы.

Отдав сестричке подбитых Гнилушкой птиц, чтобы она их вылечила, Рулька отправился прямым направлением к учителю Минусу.

Рулька шёл и думал, что вот хоть с завтрашнего дня он возьмёт и станет хорошим мальчиком. А захочет – может, и самым хорошим мальчиком во всей Свирелии. И драться бросит...

О чём так долго толковали в тот вечер Минус и Рулька, не знала даже кошка Минуса Гипотенуза, которая сидела за дверью и жалобно мяукала. Но с тех пор странные привычки

появились у Рульки. Только он замахнётся на кого-нибудь кулаком, как вдруг начинает бормотать:

– Пятью три – пятнадцать, пятью четыре – двадцать, пятью пять – двадцать пять...

И кулак сам собой опускался. Только Рулька задымится и откроет рот, чтобы нагрубить, как опять поумножает немного – и уже не дымится, а улыбается.

Оказывается, учитель Минус научил Рульку полезной штуке, которую все знают, но применяют редко.

Но дела с арифметикой у Рульки шли неважно, вот и приходилось ему то и дело подучивать таблицу умножения. Потому и прозвали его Пятью пять.

И представьте, скоро Рулька перестал грубить и не только выучил назубок таблицу умножения, но и наловчился быстро перемножать большие числа. Теперь он бормотал: «Двадцать пять на двадцать пять будет шестьсот двадцать пять». Но для прозвища всё это было длинно, и Рульку всё равно звали Пятью пять.

С тех пор родители-свирельцы стали охотно воспитывать детей по системе учителя Минуса. На детских площадках прекратились драки, а в школах все бывшие драчуны получали по арифметике пятёрки.

С Гнилушкой же дело было плохо. Опасения доктора Гематогена подтвердились: уже первые анализы показали, что кровь Гнилушки заражена, а на экране рентген-аппарата все увидели его сердце, но не красного, а серого цвета.

– Случай редкий, – говорил Гематоген ассистенту Витаминчику, сестричке Ампулке и учителю Минусу, который пришёл узнать, как самочувствие Гнилушки. – Сердце больного, по-видимому, порастил вирус зла. Жестокость – очень показательный признак болезни.

– Но ведь Гнилушка ещё мальчик! – раздался голос учителя Минуса. – Откуда взяться злобности в мягком детском сердце?

– В том-то и опасность... – вздохнул Гематоген. – Вирус зла поражает именно детей. И не всех, а только ленивых... Важно уберечь от вируса ребят, которые ходят в детский сад и в первый класс...

Гематоген не привык делать мудрёные лекарства, и, у кого бы что ни болело, он лечил всех лесным воздухом и родниковой водой, мазями из хвои и микстурами из трав. Гнилушку же он вдруг предложил лечить трудом и музыкой.

– Да, да, не удивляйтесь! Ещё в древней медицине применялся этот метод лечения сердца. Больной должен работать в огороде старушки Прялки-Моталки, а по вечерам слушать концерты маэстро Тромбуса. Следить за состоянием Гнилушки буду я сам. И чтобы никто не напоминал ему о недуге...

– Вирус поражает ленивых... – в раздумье произнёс Минус и смущённо кашлянул. – Значит, в болезни Гнилушки есть и моя вина...

И правда, учитель частенько закрывал глаза на проделки Гнилушки. Стоило тому притвориться, будто у него болит голова, и Минус отпускал хитреца домой, вместо того чтобы заставить его решать задачку.

– Теперь я буду лучше воспитывать своих учеников, чтобы они росли трудолюбивыми и добрыми, – пообещал учитель.

– Да, общеукрепляющее воспитание совершенно необходимо для защиты от вируса зла, – сказал, будто из книжки прочитал, Гематоген.

Вскоре к Гематогену пришли маэстро Тромбус и милиционер Гарпун.

– Ваш больной не бывает на моих концертах, – сообщил маэстро.

– И к Прялке-Моталке не ходит, – добавил милиционер. – Разрешите, я буду отводить его на работу и на концерты?

– Ни в коем случае! – возразил Гематоген. – Насильно лечить нельзя... Надо осторожно...

– Разрази меня гром – ведь он же отлынивает! – пробасил Гарпун и сердито задымил своей трубкой.

Прошло немного времени, и рентген-аппарат показал, что на сердце у Гнилушки кое-где появилась окаменелость.

– Придётся назначить обычное лечение... – растерянно вздохнул Гематоген. – Больному надо семь лет прожить в Дальнем лесу среди сосен, у большого родника, по три раза в день делать семьдесят семь глубоких вдохов и выдохов и принимать родниковую воду – тоже каждый день три раза по семь глотков. От этих процедур кровь его сделается чистой, как сосновый воздух, и родниковая вода...

А Гнилушке только того и надо – жить в лесу! Не будет он у всех на виду – не придётся ему всё время притворяться добреньким и смиренньким!

Семь братьев Рубако, семь лесорубов, отправились в Дальний лес, срубили три стройных спелых дерева и напилили из них досок, а плотник Плошка построил Гнилушке красивый домик с резными окнами.

– Мне бы ещё подвальчик, – попросил Гнилушка, сладенько улыбаясь.

Удивился плотник – зачем мальчишке подвал? – но не жалко доброму Плошке.

– Пожалуйста, – говорит, – будет тебе и подвал!

Поселился Гнилушка в лесном домике, а Витаминчику Гем велел каждый день навещать больного и проверять, как он лечится.

Сам Гематоген между тем решил осмотреть всех свирельских малышей – вдруг Гнилушка заразил кого-нибудь и случится эпидемия!

На берегу реки Свирельки Гематоген, Ампулка и Минус встретили мальчика в одних трусиках. Хлюпая носом, он запруживал канавку. Руки, ноги и живот его были в цыпках.

– Это Лягушонок, друг милиционера Гарпуна, – представил его учитель. – Жить не может без воды.

– Ужас какие цыпки! – воскликнула Ампулка. – Иди ко мне, детка, я сейчас помажу тебя вазелином...

Лягушонок метнул зоркий взгляд на Ампулкин карман – оттуда торчали всякие стекляшки и иголки, которыми колют пальцы, – понюхал воздух – от Ампулки пахло уколами, – быстро спрятал руки за спину и решительно заявил:

– Не дам мазать!

Минус повернулся к Гематогену и сказал:

– Гарпун всегда хвалил Лягушонка, говорил, будто он ничего не боится...

– Посмотрим, посмотрим, – откликнулся Гематоген.

Лягушонок глядел исподлобья и приготовился, чуть тронь его, поднять рёв.

Минус поспешил перевести разговор на другое:

– А почему ты на речке, а не в детсаду?

– «Почему, почему»! Запруду строю! – сердито ответил Лягушонок и, ещё больше надувшись, добавил: – Не хочу уколов.

– Ну что ж... – вздохнул учитель, делая вид, будто не замечает, что Лягушонок грубит. – Оставайся со своими цыпками, а мы пошли... к Гарпуну!

Лягушонок глянул на Ампулку. Она поправила свою санитарную сумку и тоже вроде бы собралась идти к Гарпуну.

– Не надо! – закричал Лягушонок и протянул Ампулке обе руки.

Ампулка помазала вазелином его руки, ноги и живот – совсем не больно.

– Ты и правда смелый... – опять вступил в разговор Гематоген и достал свою свирель-трубку. – Дай-ка я тебя послушаю... И никаких уколов ты не боишься?..

Лягушонок снова зажмурился, чтобы не видеть Ампулковых иголок. Ампулка уколола ему палец и взяла кровь. По правде говоря, теперь было больно, но Лягушонок не подал и вида.

Когда с неприятным делом было покончено, Лягушонок важно отвернулся от всех и, деловито шмыгая носом, занялся своей заправдой.

Коренёк, сын лучшего в стране лесничего Чинария, тоже не пришёл в детский сад. Его долго искали в лесу и нашли наконец у сторожки старого лесника Хвойки.

Хвойка отдыхал на пенёке, приглаживая лохматые усы, которые любили лезть старику в нос, в рот и в уши, а рядом с ним копал ямки и сажал кусты Коренёк. Ярко горел на солнце его огненно-рыжий чубчик, золотились сорок четыре веснушки на курносом носу, пробивался румянец на тугих, густо окроплённых веснушками щеках. Ловко орудовал лопатой Коренёк, вздувались под рубашкой мускулы, а ладони у него были широкие, как лопаты.

– Какой здоровый ребёнок! – восхитилась Ампулка.

– Сразу видно, что работа мальчику на пользу, – заметил доктор Гематоген. – Такого и осматривать не надо.

Коренёк повёл крепким плечом, вытер ладони об живот и устался в землю, застеснявшись.

– Весь в отца пошёл, тоже лесничим вырастет! – прижмурился от удовольствия Хвойка.

Мальчика Фитилька врачебная комиссия застала дома. Высунув от усердия язык, он вычерчивал какую-то схему, придумывая необычный прожектор, который должен собирать и отражать свет звёзд.

– Способный ученик! Взгляните – одни пятёрки! – шепнул Минус, раскрывая школьный журнал, который он захватил с собой, чтобы не пропустить кого-нибудь из учеников. – Ещё только в первом классе, а уже как соображает! Из него получится хороший изобретатель.

– Только пусть не переутомляется и ест побольше витаминов, – посоветовал Гематоген.

Трое друзей-первоклассников – строгий Шишка, сын Ампулки, толстый Стружка с ушами как вареники, сын столяра Плюшки, и маленький чернявый Мушка, сын охотника Осечки, – только что вернулись из похода и устраивали в школьном уголке выставку камней.

– Я уколов не боюсь! – храбро заявил Шишка. – Мне их у-у-у сколько раз делали! Только сперва иди ты, Стружка!

– А я не люблю уколов, – неуверенно произнёс Стружка. Губы его задрожали и сложились вареником.

– Это совсем не укол, а просто анализ, – успокоил сам себя маленький Мушка, покорно вздохнул и первый подошёл к Ампулке.

Снова Ампулка взяла у ребят кровь, а Гематоген внимательно их осмотрел. Доктор был доволен.

– Курс воспитательного оздоровления, уважаемый Минус, вы провели великолепно! – похвалил он учителя. – Все ваши воспитанники заняты делом.

И верно, к кому бы из первоклассников ни приходили Минус, Гем и Ампулка, всех они заставляли за какой-нибудь работой. А когда Ампулка и Гем сделали анализы крови свирельчат, оказалось, что кровь у них ярко-красная и совершенно здоровая. Вирус зла их не заразил.

А Гнилушка? И от новых процедур он уклонялся, и опять на него жаловались.

– Я так не могу лечить! – нервно выкрикивал бледный Витаминчик. – Это не мальчишка, а... а... Приходишь к нему в лес, а он убегает на Волчий хребет... И я должен гоняться за ним?! Там волки! Я не могу так работать!

Вслед за Витаминчиком к Гему явился охотник Осечка.

– Всякий зверь боится вашего Гнилушку! Ездит он по лесу на волках верхом, зубами по-волчьи щёлкает! Вчера я обознался, чуть нечаянно не стрельнул в него... – Осечка прищурил глаз, будто прицеливаясь, шепнул «пыфф!» и продолжал: – У меня охота из-за него стоит. Не охотиться – волки заедят, охотиться – попаду в человека... Кто отвечать будет?

Гематоген велел привести Гнилушку из Дальнего леса и решил осмотреть его. Первый же взгляд на экран рентген-аппарата заставил доктора ужаснуться: сердце Гнилушки наполовину заросло шерстью и стало похоже на камень, покрытый мхом.

– Так и есть... Сердце поражено вирусом... – пробормотал Гематоген.

Витаминчик при этом вздрогнул и поёжился, а сестричка Ампулка всхлипнула.

Гематоген постоял понурившись, потом снял очки, протёр их носовым платком и устало сказал:

– Попробую изготовить самые сильные микстуры, чтобы убить вирус зла...

С тех пор как все узнали про болезнь Гнилушки, прошло семь лет, и Гнилушка стал уже взрослым свирельцем. Так и жил он все эти годы в Дальнем лесу, пугал зверей и катался верхом на волках по Волчьему хребту. Но по-прежнему улыбался Гнилушка медовой улыбочкой и глядел на всех масляным взглядом. И беззаботные добряки свирельцы не хотели думать о нём плохо. Они привыкли при виде зла закрывать глаза.

Все эти семь лет по рецептам Гема в аптеках Свирелии специально для Гнилушки изготавливали разные микстуры из трав и кореньев. Но ни одна микстура – ни самая горькая, ни самая сладкая – на Гнилушку не действовала.

Вот почему доктор Гематоген с интересом и надеждой выслушал рассказ Граната о серебряном дереве, имеющем целебные свойства.

Глава третья

Про охотника Осечку и волков

Гранат обулся наконец в свои походные сапоги и начистил их до блеска. Он решил отправиться сперва в Дальний лес – собрать гербарий трав и коллекцию бабочек, а оттуда подняться на Волчий хребет – не растёт ли там серебряное дерево? А уж потом, может быть, искать его по всему свету.

– А вы забыли, что в Дальнем лесу – волки? – сказал учитель Минус. – Милиционер Гарпун запретил ходить туда без разрешения!

– Я вам сделаю на всякий случай очень громкую свирель-рог, чтобы отпугивать волков, – предложил маэстро Тромбус.

– С волками шутки плохи! Вас должен сопровождать охотник Осечка, – добавил Гематоген.

Карало только молча покивал.

– Да, да, Осечка... С ним не страшно... – наперебой поддерживали Гематогена все.

Охотник Осечка был в Свирелии довольно-таки знаменитой личностью. Он не любил ходить пешком и потому даже в лес на охоту ездил на своём мотоцикле. За руль Осечка садился сам, а собаки его, Гавка и Гонка, занимали места в коляске. Шустрая Гавка громко гавкала и смеялась, свесив красный язык, а Гонка держалась важно и лишь похлопывала серпастым хвостом по кожаному сиденью коляски.

На дороге возле леса Осечку обычно останавливал свисток милиционера Гарпуна – нота соль. Гарпун был приятелем Осечки, но тут, на посту, проверял его документы и вёл разговор важно, по всем правилам. А как же? Дружба – дружбой, а служба – службой.

Оставив мотоцикл на краю леса, Осечка вместе с собаками отправлялся в чащу. Он был добрый и жалостливый и никогда не убивал птиц и зверьков. Между Гонкой и Гавкой их собачьи обязанности Осечка распределил так: Гавка выслеживала зайца, утку или лисицу, а Гонка подгоняла их к хозяину. После этого Осечка отпускал перепуганных зверьков на волю.

Сперва свирельцы думали, что Осечке не везёт, что он всякий раз даёт осечку при выстреле. Но потом поняли, что добрый Осечка вроде бы играет в охоту, чтобы и зайцы были целы и собаки рады.

– Зачем понарошку охотишься? – допытывались любопытные.

– Что поделаешь, не могут же мои собаки даром хлеб есть! – отвечал им Осечка. – Должны они облаивать и гонять зверя, раз уж родились охотничьими собаками.

Однако чудаку Осечке бывало обидно возвращаться после такой охоты с пустыми руками. Поэтому на обратном пути он покупал в игрушечной лавке надувных резиновых зайцев и уток и, нацепив их себе на пояс, проезжал по улицам, громяхая коляской.

– Гляди-ка, как славно поохотился наш Осечка! – восклицали свирельцы. – Хороший трофей взял!

А Осечка расплывался от удовольствия.

Даже хищных зверей Осечка не любил убивать и, заметив, например, волка, отворачивался, будто не видел его. Оттого волков в лесах Волчьего хребта развелось видимо-невидимо. Лес стоял здесь как чёрная щетина и глядел из черноты на Свирелию злыми огоньками волчьих глаз.

– Что это за жизнь – ни шагу в лес без разрешения! – горячился Пятью пять и недовольно выпячивал губу. Прозвище Пятью пять осталось за ним на всю жизнь, хотя теперь он был уже не мальчишка, а всеми уважаемый и знаменитый артист. – И всё это Осечкина жалостливость и привычка при виде зла отворачиваться!..

– Гром и молния! И правда, волки скоро начнут глотать нас живьём на завтрак, обед и ужин! – поддержал Пятью пять милиционер Гарпун.

Отдав Осечке честь, он распорядился «навести в лесу порядок».

Пришлось Осечке охотиться по-настоящему. Он приезжал в лес на вечерней заре и начинал подвывать по-волчьи. Услыхав его, волки тотчас же откликались.

Осечка засекал, где находится логово, и уничтожал хищников.

Чтобы выть получше, Осечка дома в свободное время усердно репетировал. Он выл то за матёрого волка, то за волчицу или тоненьким голосом – за волчат. От этих репетиций у соседей волосы вставали дыбом, а у некоторых даже случались нервные припадки. Приезжала «Скорая помощь», и доктор Гематоген успокаивал слабонервных каплями из цветочных настоев.

Осечка решил прекратить репетиции, но вскоре разучился выть как следует. Волки перестали ему откликаться и, обнаглев, стали разгуливать чуть ли не по всему свирельскому лесу.

Тогда к дому охотника явилась делегация.

– Ты уж, Осечка, пожалуйста, охоться как полагается, – просили делегаты. – Кто, кроме тебя, защитит нас от волков?

– Вой, милый Осечка! – великодушно соглашались Осечкины соседи. – Сколько тебе надо, столько и репетируй! Раз без этого нельзя – мы уж потерпим...

Скоро Осечка опять стал выть искусно, и охота пошла хорошо. Но пока не были перебиты все волки, никто не мог ходить в Дальний лес без особого разрешения милиционера Гарпуна. А на Волчий хребет – и вовсе.

Мудрец Гранат тоже пришёл к милиционеру за разрешением.

– Если не просто так, а за делом надо в лес, тогда можно, – согласился Гарпун и дал Гранату пропуск. – Только на Волчий хребет пока ни шагу! И держитесь возле Осечки... Далеко ли до несчастного случая! – добавил он и устрашающе пыхнул трубкой.

Глава четвёртая

Про неслыханное в Свирелии злодеяние

Когда Осечка и Гранат на Осечкином мотоцикле с вместе с Гонкой и Гавкой приехали в Дальний лес, охотник ушёл в чащу, а мудрец остался на опушке. Он растянулся на животе и, приставив к глазам лупу, стал разглядывать травяные заросли. Потом мудрец принялся ловить сачком бабочек.

Поймав нарядную бабочку, Гранат полюбовался узором на её крыльях, посадил её в карман с клапанчиком и собрался погнаться за стрекозой.

Вдруг рядом в чаще завыл волк, а через минуту из другого конца леса ему откликнулся второй. Мудрец охнул и уронил сачок. Но вместо волка на опушку выбежали Гонка и Гавка, а вслед за ними появился и сам Осечка.

– Всё воешь? – успокоившись, спросил Гранат.

– Засёк логово! Клянусь, сейчас уложу матёрого! Слыхали, как он мне откликнулся?

Осечка по привычке прищурился, сказал «пыфф!» и, протяжно взыв, скрылся в чаще.

Гранат уже подкрался на цыпочках к стрекозе, когда в лесу грохнул выстрел, потом другой.

«Ага, сразу два попались! – обрадовался Гранат. – Но вас-солибас! Стреляли-то в другой стороне... Странно...»

На опушке снова выскочил Осечка.

– Кто стрелял?! Кто спугнул моего зверя?! – вскричал он, но тут же понял, что Гранат ни при чём: у мудреца и ружья-то не было.

Гавка и Гонка понюхали воздух и бросились в ту сторону, откуда раздались выстрелы. Гранат и Осечка побежали за ними и сразу же наткнулись на лесного сторожа Хвойку. Вид у Хвойки был сонный и сконфуженный – ясно, что он не сторожил, а дремал где-нибудь под кустом, – и спрашивать его о чём-то было делом пустым.

Досадливо махнув рукой, Осечка, а вслед за ним Гранат устремились в чащу.

В чаще, у старой сосны, лежал олень. Около его головы и у ног атели лужи крови.

– Я знаю его – это вожак стада! – воскликнул Осечка. – Во всём стаде не было оленя сильнее и красивее...

Гранат припал ухом к груди животного:

– Жив! Сердце бьётся! Но он без сознания...

– Перебита левая нога. Выстрел сделан с близкого расстояния, – быстро осмотрев оленя, произнёс Осечка.

– Опаснее ранение в голову, – сказал Гранат. – Несчастному животному грозит смерть...

Перевязав оленю раны, Гранат и Осечка с помощью услужливого Хвойки взгромоздили беднягу на мотоцикл. Гранат тоже устроился в уголке коляски, чтобы поддерживать оленя. Осечка уселся за руль. Гавке и Гонке не осталось места, и они обиженно отвернулись.

Но как только мотоцикл рванулся с места, выбросив голубой хвост дыма, им ничего не оставалось, как припуститься вслед.

Хвойка проводил их виноватым взглядом.

Раненого поместили в сарае Граната, на душистом сене, и немедленно вызвали доктора Гематогена. Гем сделал оленю укол большой иглой, чтобы не случилось заражения крови, и прописал ему микстуру.

– Ну как, будет жить? – спрашивали свирельцы, сбежавшие к дому Граната.

– Большой опасности нет, но пациенту нужен покой и свежий воздух. Расступитесь и не дышите на оленя! – строго сказал Гематоген.

– Граждане, прошу соблюдать тишину, – распорядился Гарпун и просвистел ноту ми.

Около больного остался Гранат. Он поил оленя микстурой и терпеливо накладывал на раны примочки.

И микстура подействовала – наконец олень глубоко вздохнул и испуганно повёл красивыми глазами.

Гранат наклонился к нему и ласково сказал:

– Не пугайся, люди – твои друзья. Мы спасли тебя от смерти. Скоро ты поправишься и сможешь уйти куда захочешь.

Ещё в молодости мудрец изучал языки разных животных и зверей, в том числе и олений язык. И сейчас он заговорил с больным на его языке.

Гранат пытался разузнать у оленя, не заметил ли он, кто в него стрелял, но олень ничего не мог припомнить. Да и не хотел вспоминать о своём несчастье. Теперь в голову ему приходили только приятные мысли, и от них он крепко спал, с аппетитом ел и быстро поправлялся.

Голова его быстро зажила, но ранение в ногу оставило след – олень стал хромым.

«Кто же всё-таки стрелял в оленя?» – спросите вы.

Об этом же в день происшествия спорили и гадали сами свирельцы, собравшиеся у дома Граната.

Больше всех горячился Пятью пять. Он не имел привычки отворачиваться и зажимать глаза при виде зла, как делали другие свирельцы, а, наоборот, ещё сильнее горячился и дымился.

– А где был сторож Хвойка, когда совершилось преступление? – кричал Пятью пять, размахивая руками. – Гранат за бабочками гонялся. Осечка выл. Это их работа... А Хвойке бы вокруг поглядывать да лес сторожить: он к этому делу приставлен... И ружьё у него заряжено отличной солью. Почему он не выстрелил, не задержал преступника?

Все посмотрели на Хвойку. Тот хлопал глазами и, заикаясь, бормотал что-то в усы.

Оказалось, что и ружьё-то его от неупотребления заржавело, а соль, которой полагалось заряжать ружьё, Хвойка раздал хозяикам для засолки помидоров.

Весь век сторожил Хвойка лес, все деревья знал на ощупь. Руки у Хвойки были шершавые, в трещинках, словно кора старого дерева, и сколько в этих трещинках таилось тепла, знало каждое дерево в лесу.

Но состарился бедный Хвойка, туговат стал на ухо, слабоват на глаза, а иногда даже засыпал на дежурстве. Давно настала ему пора отдыхать на Маковом лужке, где заслуженные старички страны грелись на солнышке, слушали жужжание пчёл да вспоминали старину.

Однако стоило завести речь о Маковом лужке, Хвойка становился печальным и тотчас же заболел. Однажды после такого разговора он огорчился до того, что оказался почти при смерти.

Добрые свирельцы не могли лишить старика единственной радости, и он по-прежнему оставался на посту лесного сторожа.

– Хвойка больше всех виноват! Пусть или лечится, или идёт на Маковый лужок! – продолжал возмущаться Пятью пять.

Он так размахался руками, что один раз даже задел за нос плотника Плошку.

Свирельцам всегда приятнее было хвалить друг дружку, а слушать, как Пятью пять нападает на Хвойку, им было очень неприятно.

– Оставь старика в покое, его и так мучает совесть! – стал заступаться за Хвойку плотник Плошка. – Почём мы знали, что случится такое? Небось из чужой страны явился преступник...

– Верно, верно! – поддержали Плошку другие свирельцы. – Такого у нас отродясь не бывало и не повторится больше!

– Нет, повторится! Преступление совершил свирелец, и я скажу, как его звать... – заявил Пятью пять.

Оказывается, Гнилушка уже давно похвастался ему, что у него обязательно будет вешалка из оленьих рогов для его жёлтого картуза, и теперь Пятью пять сразу заподозрил, что это преступление – Гнилушкиных рук дело.

Но свирельцы не дали ему продолжать.

– Откуда ты знаешь?! Ох, что он говорит!.. Не надо, перестань!.. – закричали они и стали затыкать пальцами уши и зажимать глаза.

Воинственный Пятью пять не унимался и продолжал что-то кричать, но свирельцы его больше не слушали.

Тут вперёд вышел учитель Минус. Свисток Гарпуна призвал свирельцев к порядку. Все смолкли и стали смотреть учителю в рот.

Минус любил выступать с речами и славился своим ораторским искусством. Иногда речи его бывали кратки, иногда, наоборот, длинноваты, но всегда учитель произносил их с выражением.

– Послушайте, граждане Свирелии! – начал Минус. – Самое прекрасное, что есть у нас в стране, – это лес со всеми его обитателями. А ну-ка, скажите, любите ли вы лес?

– Любим, да слишком рубим, – недовольно отозвался лесничий Чинарий. – А этому Плошке всё мало, ёлки зелёные!

– А что делать? Из леса построил я вам дома – гляньте вокруг. Из деревьев ещё делаются столы и стулья, – раздумчиво сказал Плошка, потирая нос, и вдруг ни с того ни с сего добавил: – А из фруктов – коктейли...

– В лесу столько лечебных трав! – произнёс доктор Гематоген. – Лесной воздух и микстуры из трав – лекарство от всех болезней...

– Лес тем и хорош, что там можно наедаться ягодами, – утихомирившись, заявил Пятью пять, любитель покушать.

– Не было бы в Свирелии леса, не было бы в ней и волков, – рассудительно заметил Осечка. – На кого бы я тогда охотился? Пыфф!

– По утрам в лесу можно слушать прекраснейшие симфонии! Это помогает мне сочинять серьёзные пьесы! – воскликнул маэстро Тромбус, но, вспомнив, что серьёзные пьесы усыпляют свирельцев, вздохнул.

– Натура... Пейзаж... Цвета и тона... Свет и тени... – против обыкновения, высказался художник Карало.

– Сла-а-адко дремлет на лесной опушке, – сказал Хвойка и густо покраснел, а усы его печально поникли.

– Так вот, – продолжал учитель, – лес приносит нам удовольствия, и мы должны следить, чтобы никакой злодей не причинил вреда нашему лесу, нашим зверям и птицам.

Эти предостерегающие слова удивили свирельцев. До происшествия с оленем они даже не подозревали, что в их стране или вообще где-то на свете живут злодеи.

Решено было старое ружьё Хвойки отдать в починку, пополнить запасы соли, а на Волчий хребет и в другие пограничные леса выставить отряды лесных сторожей – чтобы ни один злодей из других стран не пробрался в Свирелию.

Командовать отрядами поручили Хвойке – он решил теперь носить очки, а Фитилёк, который стал-таки изобретателем, хоть и учился ещё только в седьмом классе, пообещал сделать Хвойке слуховой аппарат и звоночек-будильник, чтобы он не засыпал на дежурстве.

Три дня и три ночи со стороны Волчьего хребта и Дальнего леса доносились завывания и выстрелы, три дня и три ночи Осечка без усталости охотился на волков, пока не перебил всех до одного.

С ружьями, заряженными сухой первосортной солью, лесники браво вышагивали вдоль границ Свирелии, время от времени проверяя исправность затворов ружей. Затворы действовали отлично.

Над Свирелией вновь установилась мирная тишина, и скоро все забыли о печальном происшествии. И лесные сторожа, за исключением самого Хвойки, разбежались кто куда.

А олень так и остался жить у Граната.

– Теперь ты – мой хозяин, и я хочу получить от тебя имя, – сказал он однажды мудрецу.

– Будь по-твоему, – ответил Гранат. – Давно хотелось мне иметь коня, который был бы мне верным другом... Есть такая порода коней – аргамак. Пусть и тебя так зовут – Аргамак.

...Однажды олень отправился в лес и пропадал там три дня и три ночи. На четвёртый день он вернулся и привёл в Свирелию стадо оленей.

– Эти олени, – сказал он Гранату, – тоже хотят жить здесь и служить людям.

И олени поселились в Свирелии. Они развозили поклажу и катали в тележках нарядных ребятишек. Лишь к зиме они собирались в стадо и уходили в леса. Весной олени возвращались. Вслед за оленями бежали резвые оленята. Матери смущённо охорашивали их, вылизывали им лобики – каждой хотелось, чтобы её детёныш понравился хозяину.

А сам Аргамак стал верно служить Гранату.

– Теперь я буду ездить в походы верхом! – радуясь, говорил мудрец друзьям.

Как только олень немного окреп, Гранат стал разъезжать на нём по свирельским лесам. Лишь на Волчий хребет, куда, по словам Осечки, было трудно взбираться, мудрец пока не спешил.

– Вот поправишься как следует, тогда и поедem на Волчий хребет, – говорил он оленю, поглаживая его голову.

А Аргамак только жмурился от удовольствия.

Глава пятая

Гранат едет на Волчий хребет и находит серебряное дерево

Однажды ночью дул ветер, и Граната мучили беспокойные сны. Он ворочался, путаясь в бороде, и подскакивал на кровати.

Снилось ему, что он попал в окружение тайн. Тайны были круглые и треугольные, красные, синие, чёрные, тяжёлые, как камень, и лёгкие, как дым, с лицами безглазыми и зубастыми, хитрыми и весёлыми. Они расплывались, меняя форму и цвет, превращаясь из добрых в злых, хватали Граната за руки и ноги, дёргали за бороду и хором кричали:

«Разгадай нас, разгадай!»

«Разгадаю!» – рассердившись, крикнул Гранат, топнул ногой и... очутился на полу.

Он протёр глаза, потрогал ушибленный бок и пробормотал:

– Приснится же такое...

Сон, однако, показался мудрецу интересным. Он уселся на полу поудобнее, в задумчивости поглядел на потолок и заговорил сам с собой:

– Ведь правда, сколько тайн ждёт разгадки, а люди живут на свете так мало...

Гранат потряс головой, громко хлопнул в ладоши и скомандовал:

– Подъём!

Он бодро вскочил и распахнул окно перед зарядкой – делать зарядку мудрец никогда не забывал. Он сделал глубокий вдох и выдох и уже поднял ногу, чтобы начать шаг на месте, как вдруг ветер швырнул в комнату какой-то листок. Листок описал в воздухе круг и опустился к ногам Граната.

Несколько мгновений мудрец глядел на него, застыв на месте с поднятой ногой и боясь пошевелиться, будто лист мог вспорхнуть и улететь обратно. Потом он схватил его и забегал по комнате.

– Где м-м-моя л-лупа? – бормотал Гранат, заикаясь от волнения.

Он сутился, переживал, натёкался на стулья, всё задевал и ронял.

Отыскав в груде всякой всячины большую, величиной с блюдце, лупу, мудрец в нетерпении наставил её на листок.

Нежно-зелёная рубашка листка была расшита серебряными шнурочками жилок, которые по краям переходили в серебряную бахрому. С нижней стороны лист был светло-жёлтый, и эта жёлтая подкладка красиво оттеняла зелень рубашки и яркое серебро бахромы. Правда, кое-где лист сморщился и был жёсткий, будто жестяной.

– Вас-солибас! – вскричал Гранат. – Никогда не встречал таких листьев! А вдруг это... с того дерева?! Его принёс ночной ураган, значит, не за тридевять земель растёт дерево с такими листьями, а где-то поблизости... Гм!.. Где же ему расти, как не на Волчьем хребте, – только там мы с Аргамом не успели побывать! Сейчас же еду на Волчий хребет!

Уши Граната покраснели от волнения, брови-кустики подскочили вверх, собрав лоб гармошкой.

Мудрец дёрнул себя за бороду, что подействовало на него успокаивающе, и быстро нарядился в походный костюм с карманами и непромокаемые сапоги. Из-под стола он выхватил походную сумку. В сумке лежали складная лопатка, самодельный бинокль, который смастерил для Граната Фитилёк, и ещё кое-что. Подумав, мудрец прибавил ко всему лупу, закинул сумку за плечо и выбежал из комнаты.

– Где мой олень? – закричал он, и из-за ёлки вышел, слегка прихрамывая, Аргамак. – Не отвезёшь ли ты меня на Волчий хребет? Тебе не трудно? – спросил его Гранат.

– Я здоров! – радостно отозвался Аргамак.

Мудрец угостил оленя сахаром и, позвякивая сумкой, влез к нему на спину.

Они могли бы скоротать путь задушевной беседой, но сегодня, как успел подметить наблюдательный Аргамак, хозяин был настроен необычно. Поэтому олень не стал надоедать ему вопросами и всю дорогу молчал.

– Поторопись, пожалуйста, друг Аргамак, прошу тебя! – приговаривал Гранат и нетерпеливо вертелся на спине оленя.

Аргамак из кожи вон лез, чтобы угодить хозяину, и про себя поругивал свою хромую ногу.

Вдоль Волчьего хребта бежала речка Свирелька.

Гранат остановил оленя на берегу, слез с него и достал из сумки бинокль. Запрокинув голову так, что с неё чуть не слетела панамка, Гранат стал оглядывать вершину Волчьего хребта. Там, на вершине, торчала острая кривая скала, похожая на волчий клык.

Любопытный Аргамак тоже закинул свои ветвистые рога и начал смотреть на Волчий хребет. Но ровным счётом ничего, достойного оленьего внимания, не обнаружил – обыкновенные деревья: жёлтые, зелёные, красные, наполовину уже раздетые осенним ветром.

– Поднимемся сразу к Волчьему Клыку, на вершину... Вас-солибас! Я чуть не лопаюсь от нетерпения!.. – восклицал Гранат.

Подъём на хребет и правда оказался крутым, а лес – почти непроходимым.

– Вас-солибас! – бормотал Гранат. – Здесь, чего доброго, и Осечка никогда не бывал. Не мешало бы одолжить у него на всякий случай ружьё...

Но желание поскорей добраться к Волчьему Клыку было так сильно, что мудрец тут же позабыл о своих опасениях.

Долго карабкались они по склону, продирались сквозь чащу и совсем выбились из сил.

Наконец перед ними открылась опушка. Гранат перевёл дух, вынул колючки из бороды и огляделся.

Ещё один подъём – и они достигнут вершины. Далеко внизу чуть заметно вилась Свирелька, а ещё ниже, в долине, как цветы на лугу, пестрели разноцветные домики Свирелии.

Передохнув, Гранат сказал оленю:

– Я вижу, у тебя сильно разболелась нога, хотя ты это скрываешь. Останься здесь, а я один поднимусь на вершину.

Аргамак покорно вздохнул и остался на опушке.

А Гранат, пытаясь, стал подниматься на самую высокую гору Волчьего хребта. Здешние деревья и кустарники ещё не знали Граната и встретили его недружелюбно. Коряги норовили дать ему подножку, деревья подставляли бока, чтобы мудрец мог набить себе шишку на лбу, а колючки топорщились как раз в том месте, куда он, падая, попадал коленкой.

Но мудрец, весь в шишках и синяках, лез всё выше. От волнения сердце его колотилось так сильно, что из карманов рубашки выскакивали потревоженные бабочки, дремавшие там со вчерашнего дня.

Вот и макушка горы, а на ней – скала Волчий Клык. Вблизи Клык был ещё зловещее, каждая щель в нём злобно скалилась, а в каменных складках его вили гнёзда тучи.

Чтобы прогнать страх, Гранат три раза громко крикнул «вас-солибас!», обошёл Волчий Клык и очутился у крутого обрыва.

Наконец-то! В трёх шагах от него, зацепившись корнями за край обрыва, стояло дерево с тёмным морщинистым стволом и неподвижными, тускло-серебристыми листьями.

Несколько мгновений мудрец глядел на дерево, позабыв дышать. Потом одной рукой он щипнул себя за нос, а другой дёрнул за бороду – на случай, если всё это ему только снится, – и от избытка чувств расхохотался так громко, что смех его разбудил Аргамака, задремавшего внизу, на опушке.

Олень тут же примчался к хозяину, забыв о своей больной ноге.

– Взгляни, дружище Аргамак, какое красивое дерево! – воскликнул Гранат. – А ведь оно совсем старое и дикое!.. Ишь где выросло, на самой макушке! Значит, не любит жары, раз сохранилось здесь, в горах, в прохладе... Смотри, смотри, Аргамак, вон торчат два таких же пенька... Здесь росли три дерева, а два, видно, состарились и упали в пропасть... Вас-солибас! Таких деревьев я никогда не видывал...

Гранат потряхнул ветку, и тёмные листья на дереве зазвенели, словно жестяные. Гранат достал из сумки лупу и долго разглядывал необыкновенные листья. Потом он отковырнул кусочек коры и принялся изучать ствол.

– В коре видны розовые жилки, а на листьях – серебристая бахрома... Это оно! Конечно, дерево это старое, поэтому уже не такое красивое... И листья не поют... Но всё равно – это оно, дерево счастья!

Мудрец выхватил из кармана свирель, задудел в неё и пустился в пляс. Плясал он, может быть, не так уж ловко, зато весело.

И тут случилось необыкновенное. При первых же звуках свирели дерево дрогнуло и стало медленно клониться к земле. Листья его глухо зазвенели, а старый ствол закрипел и треснул.

– Вас-солибас, какое несчастье! – в испуге закричал Гранат. – Неужели оно уже умирает?

Но дерево больше не клонилось. Как только Гранат перестал играть на свирели, оно замерло в полунаклоне, и мудрец увидел среди листьев блестящие, словно лакированные, орешки.

– Нет, нет, ещё не всё погибло! – воскликнул он. – Гляди, Аргамак, на дереве растут какие-то орешки! Только как же их достать? – в раздумье продолжал мудрец. – Вас-солибас! И почему я в детстве не научился лазить по деревьям!

Гранат всё же попытался влезть на дерево. Пустое! Не успел он долезть до первой ветки, как тут же свалился, едва удержавшись на краю обрыва.

– Ох, ох! – застонал мудрец, поднимаясь. – Что же нам делать, друг Аргамак?

Тут в голове его блеснула счастливая мысль: а не поможет ли свирель? Ведь дерево стало наклоняться, когда он заиграл на свирели, и опять замерло, когда свирель смолкла.

Гранат поспешно поднёс к губам свирель, и всё случилось так, как он и ожидал.

– А ну, Аргамак, дай-ка я влезу к тебе на спину... Опасно заставлять дерево наклоняться...

Стоя на спине оленя, Гранат сорвал и сложил в карманы все до одного орешка. Если какой-нибудь из них сидел слишком высоко, Гранат подносил к губам свирель, и веточка, как живая, протягивала ему орешек.

Пыхтя, мудрец слез с оленя и пересчитал орешки – их оказалось сто и ещё один, самый большой и блестящий, который рос на макушке.

Едва Гранат успел это сделать, как дерево забило в жестяные ладошки-листья, согнулось и рухнуло в пропасть.

Гранат подошёл к самому краю обрыва и глянул вниз.

– Бедное, бедное дерево! – промолвил он и хотел снять с головы панамку, но, побоявшись повредить зрение Аргамаку, не снял. – Я опоздал... Оно дожило свой век... Я не услышал, как оно поёт, оно не открыло мне своих тайн... Но я всё равно их разгадаю, вас-солибас!

Погоревав немного, мудрец потряхнул головой, дёрнул себя за бороду и посмотрел туда, где только что стояло дерево. Там теперь темнела яма и виднелись старые корни.

– Земля, где росло дерево, может пригодиться... Возьму-ка её на всякий случай, – подумав, решил Гранат и набил землёй карманы.

Глава шестая

Свирельцы собираются на поляне «Ёлочка»

Ранним утром, когда свирельцы ещё досматривали сны, когда во дворах сустились лишь петухи да хлопотливые хозяйки, над разноцветными крышами Свирелии полетел призывный звук трубы.

Доносился он с городской площади-поляны, которая называлась «Ёлочка».

Это была большая поляна, по краям её росли молодые ёлочки, а посередине стояла большая ёлка. Вокруг неё, украшенной игрушками, свирельцы отплясывали во время новогодних карнавалов.

В Свирелии никогда не рубили ёлок под Новый год, а наряжали ёлочки, что росли вокруг поляны. Звери собирались под ёлками смотреть карнавал и ни капельки не пугались огней праздничных факелов.

А летом свирельцы играли здесь в футбол или просто отдыхали и катались на осликах и каруселях.

На краю поляны стояла вышка. Она была вся точёная, украшенная резьбой. Надо вам сказать, что плотник Плошка, когда он не очень увлекался Грушкиными коктейлями, мастерил отличную мебель и всякие деревянные сооружения. И эту вышку построил сам Плошка.

Сейчас на вышке стоял маэстро Тромбус с трубой в руках. Труба была длинная, тоже украшенная резьбой, и расширялась к концу наподобие колокола. Нацелив трубу в небо, маэстро дул в неё и брал нужные ноты, зажимая то одну, то другую дырочку тонкими, чуть вздрагивающими пальцами.

Эту трубу, как и многие музыкальные инструменты, Тромбус сделал своими руками. Свирельцы называли трубу «тромбиной» в честь маэстро, а самого его выбрали глашатаем, и с тех пор Тромбус звуками тромбины созывал свирельцев на праздник или на совет.

Устраивалось это таким образом. Семь лет назад, когда Фитилёк был ещё первоклассником и только начинал заниматься всякими изобретениями, он придумал специальную сигнализацию. К телефонным столбам приделывались красные кнопки, и от каждого столба к дому маэстро тянулся электрический провод. Если кому-нибудь надо было созвать друзей, чтобы обсудить важное дело, он нажимал кнопку на столбе. В домике Тромбуса раздавался звон сигнального колокольчика, и маэстро с тромбиной спешил на «Ёлочку». С колокольчиками и кнопками свирельцам было интереснее, чем с телефонами, и телефоны скоро отовсюду сняли.

Помня о том, что у Тромбуса слабое здоровье, свирельцы старались никогда не звонить ему после обеда, когда у маэстро бывал тихий час. И даже свирельские мальчишки, которым до смерти хотелось всё время нажимать и нажимать на красные кнопки, не делали этого, чтобы не беспокоить маэстро понапрасну.

В это раннее утро кнопку на телеграфном столбе нажал мудрец Гранат. И вот он уже стоит около вышки и ждёт, когда маэстро кончит дудеть в тромбину.

Труба пела сначала тоненько, как простая дудочка, потом голос её становился громче и гуще, а под конец звучный и бодрый марш нёсся над Свирелией.

Услыхав этот призыв, свирельцы вскакивали с кроватей и со всех ног мчались к «Ёлочке».

Первыми сюда притопали семь братьев Рубако, семь лесорубов, плотник Плошка и милиционер Гарпун.

Потом, запыхавшись, прибежали артист Пятю пять, охотник Осечка с Гонкой и Гавкой на поводке и лесничий Чинарий.

За ними прибыли доктор Гематоген, учитель Минус и художник Карало.

Многие свирельцы подумали, что по случаю выходного дня состоится утренний карнавал, поэтому успели принарядиться и не забыли, конечно, прихватить с собой свирели.

А Грушка принёс корзинку с тянучками, яблоками и фруктовыми коктейлями.

Оркестр, состоящий из ребят-свирельчат, тоже был в сборе. В полном снаряжении – с медными тарелками, трубами и барабаном – музыканты стояли у лесенки, готовые по первому же сигналу Тромбуса занять свои места на вышке и заиграть танец.

Наконец Тромбус опустил тромбину и позвал Граната. Музыканты расступились, пропуская его.

– Глядите-ка! – закричали свирельцы. – Мудрец поднимается на вышку! Видно, он скажет нам что-нибудь важное!

Сначала Гранат от волнения растерялся и стал утирать лицо платком, ведя рукой по кругу, будто умывается кот. Потом он три раза кашлянул, посильнее дёрнул себя за бороду, и все мысли сразу же встали по местам.

– Дорогие друзья, граждане свирельцы! – произнёс Гранат. – В одной старинной книге прочитал я легенду о серебряном дереве. Если люди вырастят это дерево и сумеют раскрыть его тайны, они получают от него в награду долголетие и непобедимость в борьбе с врагами. Такое дерево люди называли деревом счастья... Когда я узнал об этой легенде, я стал собираться в далёкое путешествие, но вот вчера... – Тут Гранат снова запнулся, три раза кашлянул и провёл по лицу платком.

Некоторые чувствительные свирельцы, не узнав ещё, в чём дело, на всякий случай начали сморкаться и тихонько всхлипывать.

– Но вот вчера, дорогие друзья, – повторил Гранат, – на Волчьем Клыкe я нашёл дерево, похожее на то, про которое рассказывает легенда...

По рядам свирельцев прошёл гул удивления и восторга, а самые чувствительные от радости стали рыдать и смеяться сквозь слёзы.

– Я подросел вовремя: старое дерево умерло, едва успев отдать мне свои орешки... Смотрите!

Гранат достал из кармана самый большой, сто первый орешек и показал его всем.

– Может, в орешках и заключена целебность? – дрожащим голосом спросил Гематоген. – Мне не терпится поскорее растолочь их и сделать пилюли...

– А что, может, так и есть! – кивнул Гранат. – Но орешков мало, всего сто один...

Не слушая его, свирельцы загалдели:

– Волшебное дерево – вот хорошо! Не будем пить горькие микстуры, не будут нам делать уколы... Съел себе волшебную пилюлю – и здоров!.. Станем жить долго, без забот и хлопот, спокойненько!

– Мало вам теперь покоя?! – перекрывая голоса свирельцев, воскликнул Пятью пять. – Непобедимость – вот что главное! Это поважнее ваших пилюль!

– Нет, нет! – снова зашумели свирельцы. – Воевать мы не хотим, а помолодеть и поздороветь каждому охота!.. Какая тебе нужна непобедимость? Будет у нас серебряное дерево – будет оно охранять нас, раз оно волшебное...

– О чём вы спорите, граждане свирельцы? – громко сказал учитель Минус и поднял указательный палец. – Откуда вы взяли, что именно в орешках – долголетие? Что мы знаем о дереве? Да ничего!

– Вот и я хотел сказать то же, – поддержал Минуса Гранат. – Деревя у нас пока нет, и мы ничего про него не знаем... Ладно, пусть из орешков, если они и правда целебные, доктор Гематоген наделает пилюль, и мы станем долго жить... Но ведь можно из этих орешков вырастить целую рощу серебряных деревьев! Что, по-вашему, лучше?

– Отдать орехи Гематогену! – снова раздали голоса свирельцев.

– Хотим быть молодыми и красивыми! – ещё громче закричали женщины-свирельки и стали протискиваться к доктору Гематогену.

– Записываться на пилюли в порядке очереди! – крикнул Гарпун и три раза просвистел ноту си.

Минус поднял руку, требуя порядка:

– Подумайте-ка хорошенько ещё раз, граждане свирельцы! Орешков-то мало, их едва ли хватит на жителей Свирелии. А ваши дети и внуки? Неужели вы оставите их без целебных пилюль?

Свирельцы не привыкли думать о серьёзных вещах, но раз Минус так настаивал, они наморщили носы и стали думать... И чем старательнее они думали, тем чаще виновато опускали глаза, покашливали и перешёптывались между собой.

– Да что уж там!.. – вздохнув, произнёс наконец старый Хвойка. – Ясное дело, нельзя съесть орехи самим, а другим ничего не оставить...

Свирельцы радостно закричали:

– Молодец Хвойка! Правильно сказал!

– Лучше посадим все орешки, и из них вырастет сто одно серебряное дерево...

– И станет у нас много-премного пилюль!

– А пока дайте мне хоть один орешек для опыта, – попросил Гем и многозначительно посмотрел по очереди на Минуса, Граната и маэстро Тромбуса.

Все поняли, что Гем подумал о Гнилушке, и Гранат отдал ему один орешек.

Мудрец снова заволновался, опять поводил рукой по лицу, будто кот умывается, и воскликнул:

– Вас-солибас! В Свирелии будут серебряные рощи!

– Ура! – крикнули плотник Плошка басом и садовник Грушка тоненьким голоском.

– Ура! Ура! – подхватили семь братьев Рубако, семь лесорубов.

– Ура мудрецу! Качать его! – закричал Пятью пять.

Не успел Гранат сообразить, что затевается, как свирельцы подхватили его и стали подбрасывать в воздух.

– Ай! Ай! – только и успевал он выкрикивать.

– Раз! – хором считали одни, когда мудрец летел вверх.

– Два! – хором отвечали другие, ловя его.

Гранат дрыгал руками и ногами, и на головы свирельцев из его карманов сыпались стекляшки и камешки, травинки и грибы, живые и дохлые жучки и ещё много такого, что встречается в карманах мудрецов и мальчишек.

Глядя, как мудрец взлетает в воздух, Плошка, который успел на радости хлебнуть несколько лишних глотков фруктового коктейля, хохотал вовсю. В этом приступе веселья он хватался за живот, за Грушкино плечо, приседал и осторожно утирал корявым пальцем то один глаз, то другой.

– Гром и молния! Осечка побил всех волков и открыл дорогу на Волчий хребет, к серебряному дереву! – раздался вдруг обиженный голос Гарпуна. – Почему никто не похвалил Осечку?! Качать его!

– Качать Осечку! – откликнулись свирельцы и стали подбрасывать охотника вместе с его сумкой-ягдташем, свирелью-рогом, вместе с Гонкой и Гавкой, которых охотник крепко держал за поводок.

Потом все, вдоволь полакомившись тянучками, достали свирели и принялись дудеть в них и лихо отплясывать. Музыканты-свирельчата взобрались на вышку со своими тарелками, трубами и барабаном, и начался весёлый карнавал.

Только Гнилушка, как обычно, не принимал участия в веселье, а стоял в стороне от всех. Он сразу понял, что Гем взял орешек для него.

– Так и стану я глотать этот орех! Вот добряки нашлись! Вот дураки! – буркнул Гнилушка и поспешил нацепить улыбку, чтобы все думали, будто и он радуется этой затее с орешками.

В этот момент рядом оказался артист Пятью пять. Он не плясал вместе со всеми, так как готовился прочесть отрывок из своей новой роли.

– Что ты сказал?! Это кто – «дураки»?! Да я тебя уничтожу, несчастный! – крикнул он, и от головы его пошёл дымок.

Это был плохой признак: Пятью пять мог вспыхнуть и натворить глупостей, если его вовремя не остановить.

Некоторые свирельцы услышали, как Пятью пять воскликнул: «Да я тебя уничтожу, несчастный!», но подумали, что артист просто репетирует, и не придали этому возгласу особого значения.

На беду, рядом находился маэстро Тромбус. Он устал дуть в тромбину и задремал на скамеечке, предоставив музыкантам играть всё, что они захотят. Тут же стояла и тромбина.

– Берегись! – снова воскликнул Пятью пять, схватил тромбину и швырнул её вслед пустившемуся наутёк Гнилушке.

В Гнилушку он, к несчастью, не попал, а тромбина – бедная тромбина! – упала на землю, издала печальный стон и лишилась голоса.

Пятью пять попросил у Тромбуса прощения, и добрый маэстро простил его.

Через несколько минут происшествие забылось, и карнавал продолжался.

Глава седьмая

Как свирельцы сажали серебряные деревья

На следующее утро в лес важно двигался отряд. Возглавлял его лесничий Чинарий. Он вышагивал, заложив руки за спину и подняв кверху нос.

За Чинарием выступали лесной сторож Хвойка и художник Карало. Вместо этюдника Карало нёс на плече палку, на которой висели два ведёрка с красками и кисточками.

Замыкали шествие семь братьев Рубако, семь лесорубов, с топорами за поясами.

А позади всех, полыхая огненно-рыжим чубчиком, топал Коренёк с лопаткой. Теперь он уже был пятиклассником, имел по ботанике круглые пятёрки и больше всего интересовался деревьями.

– Серебряным деревьям простор, свет нужны, а в нашем лесу – теснота... Срубим кое-какие деревья! – распоряжался лесничий. – Орешкам будет место, а... а Плошке – доски. Видели же – строит Плошка новый дом и всё пристаёт: подавай ему лес!.. Стой, Рубако, не маши топором! Понимать надо, которое дерево для чего рубить!.. Коренёк, не путайся под ногами! Хвойка, заberi от меня мальчишку!

Зорким глазом оглядывал Чинарий деревья, указывал то на одно, то на другое и кричал:

– Не спорьте со мной, я лучше вас понимаю в деревьях!.. Ёлки зелёные! Первый сорт отметить, Карало, красным! Второй сорт – синим. Из первого сорта пусть Плошка делает свои дома, из второго – разные там столы, стулья, карусели!..

Грузный Карало со своими ведёрками не спеша подходил к дереву, обмакивал лохматую кисточку в краску и рисовал жирный кругляшок: на высоких и стройных деревьях – красные кругляшки, а на тех, что похуже и покривей, – синие. Всякий раз Карало по привычке отступал назад, откидывал гривастую голову и, прищулив глаза, любовался своей работой.

А братья Рубако подсакивали к разукрашенным деревьям и начинали рубить их.

Пока Рубако работали топорами, старый Хвойка присел отдохнуть, а возле него пристроился Коренёк, как молодой кустик у ног старого дерева. Около них опустился и грузный Карало.

Хвойка приосанился, откашлялся и, стараясь говорить так же важно, как Чинарий, принялся рассказывать про деревья. Временами он останавливался и поглядывал поверх очков – хорошо ли слушают. Заметив, как в открытый рот Коренька то и дело залетала оса, он кричал от удовольствия и рассказывал дальше.

Только когда братья Рубако срубили все помеченные деревья, словоохотливому Хвойке пришлось замолчать.

Вскоре в лес приехали тележки, запряжённые оленями, и стали увозить срубленные деревья к Плошке. Деревья уезжали и долго махали ветвями.

А потом в лес явился мудрец верхом на Аргамеке. От радости Гранат всё время восклицал «вас-солибас!» и проверял, хорошо ли обрабатывают почву, где будут посажены орешки.

Подозвав Чинария и Хвойку, мудрец достал из сумки два туго набитых мешочка.

– Вот земля, которую я взял от корней материнского дерева. Будете сажать орешки – не забывайте присыпать их этой же землёй. Может, в ней сила...

Чинарий спрятал мешочек в карман, а бережливый Хвойка, боясь нечаянно просыпать материнскую землю, отнёс её в свою сторожку.

– Теперь, – сказал Гранат, – возьмите по тридцать три орешка и посадите их в разных местах. Только, чур, не сразу! Сперва посадит орешки Чинарий, ведь он у нас самый опытный лесничий. Через семь дней и ночей после Чинария сажай свои орешки и ты, Хвойка!.. Полежат орешки в земле всю зиму, а весной прорастут... Поливайте их не простой водой, а лучше родниковой, настоящей на лепестках цветов.

Чинарий важно кашлянул и, повернувшись к Хвойке, слово в слово повторил ему всё то, что сказал мудрец, на случай, если глуховатый Хвойка не расслышал. Хвойка покорно выслушал его и кивнул.

– Ещё тридцать три орешка ты, Чинарий, сохрани у себя. Эти не будут зимовать в земле – их мы посадим весной во-о-он на той поляне! А вокруг поставим тополя, чтобы защищали серебряные деревья... Та-ак, сотый орешек забрал Гематоген, а сто первый пусть останется у меня... – задумчиво закончил Гранат.

– Над сто первым орехом сам мудрить будет, – шепнул Хвойка Кореньку и робко обратился к Гранату: – А сажать-то как? Ничего ведь про деревья не знаем – вот беда...

– Да-а!.. – вздохнул Гранат. – Дерево неизвестное, загадочное, как сажать орешки – вас-солибас! – кто знает!.. Чинарий, я полагаюсь на тебя! Хвойка, делай всё в точности, как Чинарий... Трудитесь старательно и помогайте друг дружке... А у меня тоже есть дело, поработаю пока в тишине и покое...

Гранат влез на Аргмака и отправился в свой голубой домик.

Чинарий решил приступить к делу немедленно. Он хотел было позвать на помощь всех лесников, но подумал, что нечего ему знаться с лесниками, когда он в лесу самый главный и самый умный.

– Я вам покажу, как надо работать! – заявил Чинарий. – Лично мне помощники не нужны! Никому я не доверю сажать свои орешки! Пусть все свирельцы знают, что первые серебряные деревья в Свирелии посадил лесничий Чинарий!

Хвойка снял шапку, почесал затылок и сказал:

– А мудрец велел помогать друг дружке...

Чинарий глянул на старика мимо носа, чтобы показать, что спорить с ним он считает ниже своего достоинства. Сбитый с толку, Хвойка опять снял шапку, хотел ещё раз почесать затылок, но передумал и отошёл к лесникам.

Лесные сторожа, обидевшись на Чинария, разошлись по домам, только Хвойка с Кореньком остались сиротливо стоять в сторонке. Хвойка косил на лесничего глазами сквозь очки, ловил каждое его движение, чтобы через семь дней и ночей тоже не ударить лицом в грязь.

...Минули семь дней и ночей. Хвойка поспешил в сторожку за материнской землёй, развязал мешочек, и померещилось ему, будто не такая в мешочке земля, как у Чинария.

– Ох, беда, куда же запропастились очки? – растерянно бормотал старик, хлопая себя по карманам. Он не привык ещё к очкам и то и дело их куда-то засовывал. – Вроде бы у Чинария земля была светлее... Спросить разве у кого-нибудь?.. Нет, не спрошу: засмеют... Да и не земля это тёмная – темно в моих старых глазах...

Хвойка начал старательно сажать орешки. Кореньк выкапывал ему лопаткой ямки, клал в ямку орешек, присыпал каждый, как учил Гранат, щепоткой земли из мешочка и поливал родниковой водой, настоянной на цветочных лепестках. Глядя на них, так же сажали орешки другие лесные сторожа. Они любили доброго Хвойку и охотно помогали ему, пока не были высажены все тридцать три орешка.

...Настала зима. В голубом домике Граната, под его красной крышей, происходило что-то непонятное. Из трубы домика вдруг повалил жёлтый дым. Он не улетал вверх, а стал растекаться по улицам. Это оттого, что воздух над Свирелией, даже зимой насыщенный запахом цветов, был такой густой, что хоть режь его ножом. Он лежал над лесом голубыми и зелёными слоями. Струя едкого дыма не могла пробить отверстия в этом воздушном потолке, и дым заползал в дома, лез в глаза, забирался в нос. У свирельцев текли слёзы, и они безостановочно чихали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.